

Воскресное утро

Все персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

**15 июня 1941 года, 5.50 утра.
Район Вязьмы, борт флагманского ПС-84
начальника ВВС Красной Армии**

Жигареву Павлу Федоровичу снился сон из далекого детства. Будто он снова обычный мальчишка из бедной деревеньки Бриково, Весьегонского уезда Тверской области. Такой же босоногий пацан, как и сверстники — друзья по бедняцкой доле. Его с товарищами отправили пасти небольшое стадо деревенской общины в кустарник, на берегу маленькой безымянной речушки. Скорее, даже просто ручья. Таких ручьев великое множество в лесах центральной России. Задача перед мальчишками обычная — не выпустить скотину за пределы арендованного у управляющего местного помещика оговоренного участка и не допустить потраву барских покосов. Платить за потраву сельчанам нечем — значит, придется отрабатывать долг трудом. Ну, а с мальчишек родители спросят розгами.

Видит Пашка, будто вожак стада — коза соседки Малаши, воспользовалась тем, что мальчишки отвлеклись, и уже выходит на покос. Он пытается бежать, но ноги не слушаются. Вместо бега получается только с трудом и невероятным усилием раздвигать воздух, ставший вдруг плотным и вязким. С ужасом понимает, что не успевает перехватить строптивую скотину, и еще сильнее цепенеет. А мальчишки кричат ему: «Павел Федорович! Павел Федорович!» И Пашка, удивляясь необычному обращению, с трудом и облегчением выныривает из плена детских страхов.

Павел Федорович Жигарев, 1900 года рождения, бывший крестьянский сын, а ныне, с апреля 1941 года — начальник ВВС Красной Армии, приходит в себя. Менее двух недель назад он получил третью звездочку генерал-лейтенанта в голубые петлицы мундира, и сразу стало не хватать времени на сон.

В воздухе пахло грозой. С западных Особых округов почти каждый день приходили сообщения о пролетах немецких самолетов, удачных и неудачных перехватах нашими истребителями. Головная боль от того и другого была примерно одинаковая. В условиях директив Генерального Штаба и руководства страны не провоцировать немцев, «удачный перехват» мог привести к ноте Германского правительства, наказанию летчика и его командиров. Неудачный — показывал дыру в нашей системе ПВО, позволяя немцам спокойно выполнять поставленную задачу. О целях этих полетов не догадывался разве только пресловутый герой русских народных сказок — Иванушка-дурачок.

Жигарев работал без выходных, перерывов на обед и практически сна. Сегодня было воскресенье, и он летел в Минск, в штаб начальника ВВС Западного Особого военного округа, генерал-майора И. И. Копца. Пользуясь этим, во время полета пытался хотя бы частично восполнить недостаток сна.

— Павел Федорович! — его за плечо легонько тряс второй пилот флагманского ПС-84¹ Штаба ВВС. Жигарев вопросительно посмотрел на него, одновременно пытаясь распрямить затекшие руки и ноги.

— Павел Федорович, пройдите в кабину, вам нужно на это посмотреть! — сказал пилот, увидев, что начальник проснулся. Поднявшись, Жигарев прошел в кабину. За эти менее чем два месяца экипаж уже не раз летал по маршруту Москва–Минск, и он не мог понять, что так встревожило командира корабля.

— Где мы? — спросил Павел Федорович, войдя в кабину.

— Район Вязьмы. Посмотрите, товарищ генерал-лейтенант, — ответил пилот и накренил самолет влево, чтобы ему удобнее было смотреть через голову.

Жигарев посмотрел влево по курсу. Попробовал проморгать-ся. Но то, что увидел, не исчезло. Внизу, слева по курсу, с высоты полутора тысяч метров в условиях видимости «миллион на миллион», лежал большой аэродром. Может быть, не больше, чем аэродром тяжелых бомбардировщиков в Монино, но вполне

---

¹ ПС-84. В соответствии с договором с фирмой Douglas от 1936 года американцы передавали советским специалистам пакет документации и лицензию на производство многоцелевого самолёта DC-3. В соответствии с приказом № 02 от 10 января 1937 года, этот лайнер под обозначением ПС-84 начали выпускать серийно.

сопоставимый по размерам. И БЕТОННЫЙ! Павел Федорович знал, что именно здесь, с этой весны, силами НКВД ведется строительство бетонной ВПП для будущего аэродрома. Срок сдачи объекта — осень 1941 года. Однако там речь шла о нескольких сотнях метров узкой бетонки. Когда он летел две недели назад по этому же маршруту — ясно видел, что работа ведется, но раньше намеченных сроков строители вряд ли уложатся.

Теперь же совершенно ясно он видел перед собой широкую и длинную, примерно двухкилометровую, ВПП, ориентированную, как и планировалось, по направлению юг—север, с развитой системой рулежных дорожек и огромной стоянкой.

Стоянка — это было второе, что поразило сталинского сокола. На стоянке в три длинных ряда стояли странные серебристые самолеты. Навскидку — более сотни. Еще более странные силуэты Жигарев увидел на рулежной дорожке, идущей вдоль ВПП и в квадратах зелени между ними.

На рулежке стояли двенадцать аппаратов, напоминающих наконечники стрел серо-голубого цвета. А вот на квадратах зелени... стояли два МОНСТРА. Один — четырехмоторный, с нормальным, прямым расположением крыла — был еще сравним с ТБ-3¹, хотя имел совершенно другие пропорции. Зато другой, на взгляд Павла Федоровича, как минимум вдвое превосходил размеры ТБ-3. Тоже четырехмоторный, но двухкилевой. Он видел и еще какие-то аппараты, с очень короткими, похожими на обрубки крыльями, либо без них. Из всего, что видели глаза и пытался уяснить мозг, он выделил всего лишь три силуэта, хотя бы похожих на то, что мог бы назвать самолетом. Молчание в кабине затянулось. Командир корабля продолжал выполнять пологий левый вираж, держа вид аэродрома слева.

— Садимся! — разорвал тишину приказ Жигарева.

Связи с аэродромом, естественно, не было, поэтому командир корабля решил заходить на посадку с севера. С юга располагался большой лесной массив, поэтому с севера садиться на незнакомый аэродром было проще, оставляя в качестве ориентира Вязьму справа, а также наблюдая железную дорогу перпенди-

---

¹Туполев ТБ-3 (также известный как Ант-6) — советский тяжёлый бомбардировщик, стоявший на вооружении ВВС СССР в 1930-е годы и во время Великой Отечественной войны.

кулярно глиссаде. Направление ветра было неизвестно, однако длина полосы позволяла его не учитывать. На посадочном курсе Жигарев справа увидел железнодорожную станцию, забитую эшелонами с погруженной боевой техникой. Рассматривать времени не было, однако снова отметил, что ничего похожего на то, что ему приходилось видеть в РККА, там не было.

Еще ближе к аэродрому, тоже справа, располагался большой склад ГСМ. Жигарев это понял по блестящим огромным цистернам.

Экипаж перетянул немного начало ВПП, и самолет покатился по бетонке. Теперь можно было сказать, что ширина полосы была почти вдвое шире размаха крыльев ПС-84, то есть примерно пятьдесят метров. Сама полоса имела два «горба» в начале с каждой стороны и как бы низину между ними. ВПП было ухоженное и, самое интересное — судя по следам торможений колес в момент касания — интенсивно использовалась.

Кем? Когда? Количество вопросов росло с каждой минутой, а ни одного варианта ответов пока не просматривалось. Самолет катился к южному концу полосы, и все в кабине неотрывно смотрели вправо, вглядываясь в то, что пытались разглядеть с высоты полутора тысяч метров. Из всего увиденного примерно со стометрового расстояния пока обнадеживало только одно — на хвостовых оперениях «монстров» алели звезды. Но откуда такие самолеты?

Ничего подобного в ВВС СССР и конструкторских бюро, с которыми он как начальник ВВС работал, не было. Оставалась слабая надежда, что это какие-то спецпроекты НКВД, однако эта надежда не успокаивала, а только вызывала беспокойство — не любит Лаврентий Павлович слишком любопытных. Но тогда где же люди? Где охрана? Он распорядился развернуть самолет, и ПС-84, ревя моторами, покатился по полосе обратно. Метров за триста до северного конца полосы, слева, стоял стационарный КП, перед ним располагалась широкая основная рулежка к стоянке. Выкатившись на рулежку к КП, Жигарев приказал остановиться. Выйдя из самолета и закурив, осмотрелся. В воздухе пахло летом и неуловимым ароматом гудрона. После того как остановились моторы самолета, его прямо-таки оглушила тишина летнего утра, оттеняемая дуновением июньского ветерка и пе-

нием жаворонков. Справа от него стоял безлюдный КП. Левее, в небольшой березовой рощице, проглядывало два одноэтажных здания. Еще левее, между этим зданием и стоянкой, высился большой ангар из красного кирпича. Прямо по рулежке — метров через сто пятьдесят — начиналась стоянка тех серебристых острокрылых самолетов, которые он видел из кабины ПС-84. Передняя часть с кабиной и крыльями были закрыты чехлами, но сразу бросались в глаза отличия от самолетов, знакомых Жигареву — шасси с передним колесом и высокорасположенный стабилизатор на стреловидном киле. На хвостовом оперении алели звезды. На некоторых машинах, не укрытых брезентом, на фюзеляже выделялась надпись красными буквами «ДОСААФ¹». Это все было странно видеть, но самое удивительное было то, что у них отсутствовал винт. Хотя Жигарев мог бы поклясться, что, несмотря на все странности, он видит перед собой именно самолет, а не что-то иное.

Хлопнула дверь и из одного из зданий между ангаром и КП вышли два человека в темной форме. Не торопясь двинулись к самолету. Докуривая папиросу, Жигарев внимательно смотрел на них. К нему шли два явно пожилых человека, одетых в одинаковую черную вохровскую форму. Первый — как определил Жигарев по кобуре на ремне — был старшим, второй шел позади и был вооружен трехлинейкой. Эти двое как бы выпадали из всего, что тут уже увидел Павел Федорович. То есть они были единственным, что было тут естественным.

— Здравствуйте! — произнес старший, подойдя к нему. Второй остановился поодаль, хотя и не поменял положение оружия. Жигарев поздоровался в ответ.

— Прошу вас не курить. Не положено, — добавил вохровец и с интересом стал разглядывать Жигарева. Самолет не привлек

---

¹ *Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ)* — добровольное самоуправляемое общественно-государственное объединение, цель которого — содействие укреплению обороноспособности страны и национальной безопасности...

До 1991 года существовало как ДОСААФ СССР (Всесоюзное ордена Ленина, ордена Красного Знамени добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) (встречалось также название Всесоюзное ордена Ленина Краснознамённое добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), в дальнейшем распалось на региональные общества.

его внимания совершенно. Он и его спутник выглядели возрастом никак не моложе пятидесяти лет и явно не строевики.

— У вас что-то случилось с самолетом? Я доложил дежурному по Центру о вашей посадке, и он скоро приедет сюда.

— Вы не представились, — оборвал его Жигарев.

— Извините. Начальник караула военизированной охраны Центра Иван Демьянович Сафронов. А вы кто будете?

— Начальник ВВС Красной Армии генерал-лейтенант Жигарев, — в свою очередь представился он. В глазах начкара мелькнуло удивление, и он еще раз внимательно оглядел Жигарева. Видно, фраза вызвала непонимание, хотя он и не проявил отрицательных чувств к Жигареву.

В этот момент послышался звук мотора. Из-за зданий выехала машина защитного цвета с тентованным верхом. Остановилась рядом, захлопали двери и из нее не торопясь выбрались двое. Один был одет в своеобразную свободно сидящую на нем темную форму, со множеством карманов с блестящими кнопками. На правом рукаве красная повязка с надписью «Дежурный». Но все это Жигарев отметил буквально мельком, потому что все внимание было приковано ко второму. Вторым был человек в военной форме незнакомого образца, фуражке и в ПОГОНАХ!

Первым дернулся порученец Жигарева, схватился за кобуру и судорожно задергал некстати застрявший пистолет. Начальник караула и караульный явно не ожидали подобной реакции. Однако тоже довольно неуклюже попытались привести свое оружие в состояние готовности.

Жигарев побледнел. В голове проносились беспорядочные мысли: «Как ОН сюда попал? Кто предал? Что делать? Стрелять? Странно, но похоже, эти люди удивились этой ситуации не меньше его».

— Что вы делаете? — раздался спокойный голос человека в погонах.

— Кто вы? — в свою очередь задал вопрос Жигарев.

— Я — начальник штаба Вяземского Учебно-авиационного центра ДОСААФ подполковник Рябцев. Попрошу вас представиться.

Стоящий рядом с ним человек с повязкой непонимающе крутил головой, переводя взгляд с Жигарева на его порученца,

оружие в руках людей и никак не мог вникнуть в ситуацию. Точнее, не мог понять причины, вызвавшей такую реакцию человека в форме, стоявшего за спиной явно старшего.

Жигарев представился и сразу добавил:

— Мне неизвестен такой центр и такая организация.

Теперь явное удивление появилось в глазах подполковника Рябцева. Он еще раз уточнил должность, звание и фамилию Жигарева. Повисла пауза.

Сзади к Жигареву и порученцу подошли с пистолетами в руках борттехник и второй пилот. В свою очередь, от караулки спешили трое с винтовками наперевес. Ситуация приближалась к логическому завершению.

— Я слышал о человеке с такой фамилией, — произнес представившийся подполковником, — точнее — читал в истории Великой Отечественной, да и в училище на лекциях по истории ВВС слышал. Но он жил во время войны. Вы однофамильцы?

— Какой войны? Что значит жил?

— Нашей войны. Великой Отечественной. Той, о которой у нас знает каждый ребенок. Но она закончилась более тридцати лет назад.

— Ничего не понимаю. Какая война? Вы о Первой мировой говорите? Так и тридцати лет с ее окончания не прошло.

— Нет. Я говорю о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Тридцатилетие Победы в которой мы отпраздновали несколько лет назад.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Сейчас 1941 год. Какие тридцать лет?

— Кто-то из нас бредит. Жаль только, что у «кого-то» в руках боевое оружие. Сейчас 18 июня 1979 года, и вы находитесь на аэродроме Вяземского учебно-авиационного Центра ДОСААФ. Оглянитесь вокруг — тут что-то похоже на 1941 год? Кроме, может быть, вас.

Жигарев задумался. Действительно, именно он и его люди смотрелись инородно, если считать верным утверждение подполковника в обычности ситуации для него. Он достал из внутреннего кармана удостоверение и протянул подполковнику. Тот взял в руки и стал внимательно читать, поглядывая на Жигарева. Сложил, в глубокой задумчивости сдвинув фуражку на затылок. Потом вернул удостоверение и полез во внутренний

карман кителя. И вот уже Жигарев с удивлением вчитывался в черные строчки удостоверения подполковника ВВС СССР Рябцева Л. И., начальника штаба ВУАЦ ДОСААФ. Выданного в июне 1956 (!) года тогда еще лейтенанту.

— Почему на вас погоны? — с подозрением спросил он у подполковника.

— Так с 1943 года носим. По приказу Сталина, — опередил с ответом начальник караула. Рябцев утвердительно кивнул.

Теперь уже Жигарев сдвинул фуражку на затылок.

— Уберите оружие, — обратился он к своим людям.

Встречающий караул опустил стволы «мосинок» без команды. Люди они были пожилые и такие страсти им явно не нравились.

— Трофимыч! — обратился начкараула к одному из прибежавших по тревоге из караулки. — Принеси вчерашнюю газету.

Трофимыч закинул винтарь на плечо и похромал к караульному домику. Остальные молча пытались решить вопрос с определением времени и что с этим делать.

Через минут семь Трофимыч вручил Жигареву газету «Сельская жизнь» за 16 июня 1979 года. Пятница. В ней рассказывалось об успехах СССР на международной арене и на полях сельского хозяйства.

Жигарев вытер выступивший пот на лбу и потерянно посмотрел вокруг.

— Мы вылетели из Москвы на рассвете 15 июня 1941 года. Я летел в Минск в Штаб ВВС Западного Особого округа, — растерянно произнес он.

— Через неделю началась война, — тяжело, но уверенно произнес Рябцев.

— Немцы все-таки напали?

— Да. В четыре утра 22 июня. Эта война стоила нам двадцать миллионов жизней, — ответил Рябцев.

— Они там... а я... тут! — В голове Жигарева не укладывалось, что он практически стал дезертиром.

— Ладно. Чего тут в поле стоять? Начальник караула! Продолжайте службу. Дежурный! Подскажи экипажу, как и чем закрепить самолет. А мы, товарищ генерал-лейтенант, поедем в штаб. Если опасаетесь, пусть с нами едет ваш порученец. Да,

еще! Дежурный, пришлю машину вторым рейсом, отвези остальных в столовую, распорядись насчет завтрака. И скажи, пусть принесут что-нибудь поесть мне в кабинет. На всех.

Сил возражать у Жигарева уже не было. Он был просто раздавлен ситуацией и знанием, что там — в его времени — через неделю советские летчики будут сражаться за Родину. А он не то что предупредить об этом не сможет, вообще будет числиться дезертиром. Подполковник распахнул правую дверцу автомобиля, Жигарев автоматически сел на сиденье. Начштаба и порученец сели сзади.

Через пять минут езды по бетонке подъехали к штабу Центра. По дороге Жигарев ничего особенного не увидел — достаточно густой смешанный лес по сторонам, примерно посередине маршрута, справа, высилась высокая и мощная водонапорная башня, там же, но слева у дороги, находился явно склад, обнесенный колючей проволокой.

Сам штаб представлял собой двухэтажное здание, слева от него, казарма из белого кирпича, перед ними плац. Справа двухэтажная казарма из красного кирпича. Войдя в штаб, Жигарев на первом этаже увидел часть фюзеляжа с кабиной тех серебряных машин, увиденных им на стоянке аэродрома. Но сейчас он практически не обратил на это внимания. Так, информация к сведению. Они стали подниматься по лестнице, когда их снизу окликнула женщина средних лет. Точнее, обратилась по имени-отчеству к подполковнику и сказала, что пропало напряжение в электросети, соответственно не работает АТС и остались только прямые оперативные телефоны Центра, запитанные от аккумуляторной батареи. И самое главное — пропал прямой канал на Москву. Попытка наладить связь через соседнюю АТС железнодорожников также не удалась — с ними тоже нет связи. И в этот момент Жигарев понял, что еще его мучает, и что он, просто раздавленный свершившимся, забыл узнать.

— Мы победили — когда?

18 июня 1979 года, 6. 30.

Городок авиацентра

Примерно полседьмого утра в городке произошло два, на первый взгляд, незначительных события. Независимо друг от друга,